

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОБУЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

И.С. Гвоздева, Л.Г. Шапиро, А.А. Южанинова

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия

Контактная информация:

Гвоздева Ирина Сергеевна – кандидат юридических наук (SPIN-код: 2939-8788; ORCID iD: 0000-0002-5639-7030; Researcher ID: P-9256-2018). Место работы и должность: доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Адрес: 410056 г. Саратов, ул. Вольская, 1. Телефон: (8452) 29-90-45, электронный адрес: gvozdeva-irina@yandex.ru

Шапиро Людмила Геннадьевна – доктор юридических наук (SPIN-код: 5490-1780; ORCID iD: 0000-0003-1982-9647; Researcher ID: R -9761-2018). Место работы и должность: заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», почетный работник высшего профессионального образования РФ. Адрес: 410056 г. Саратов, ул. Вольская, 1. Телефон: (8452) 29-90-44, электронный адрес: lyudmila-shapiro2014@yandex.ru

Южанинова Алла Леонидовна – кандидат психологических наук (SPIN-код: 6260-1824; ORCID iD: 0000-0002-4441-7911; Researcher ID: P-9299-2018). Место работы и должность: доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Адрес: 410056 г. Саратов, ул. Вольская, 1. Телефон: (8452) 29-91-40, электронный адрес: juzhaninova-alla@yandex.ru

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция к росту суицидов в детской и подростковой среде, совершённых под влиянием содержащейся в сети «Интернет» информации. Данная статья посвящена изучению проблем расследования побуждения несовершеннолетних к самоубийству посредством использования специальных психологических знаний, прежде всего, в форме судебно-психологической экспертизы. В представленном материале акцентируется внимание на комплексном, междисциплинарном характере проблемы противодействия молодежному суицидальному поведению, причиной которого является преступное поведение других лиц (ст.ст. 110, 110.1, 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации), на криминогенном потенциале сети «Интернет», рассматривается роль эксперта-психолога в установлении обстоятельств совершённых преступлений данной категории. Цель исследования: установление возможностей использования специальных психологических знаний при расследовании побуждения несовершеннолетних к самоубийству путём использования субъектами преступлений сети «Интернет». Материал и методы: проанализированы тексты 51 судебного приговора за период с 2011 по 2017, вынесенных по фактам доведения до самоубийства как несовершеннолетних, так и совершеннолетних лиц, опубликованные на сайте «Судебные и нормативные акты РФ», а также тексты судебных решений, вынесенных в различных регионах России по искам прокуратуры в защиту интересов неопределённого круга лиц о признании сведений, размещенных на Интернет-страницах, информацией, распространение которой на территории РФ запрещено. При проведении исследования так же использовались нормативно-правовые акты, публикации по данной проблематике, статистические данные и материалы опубликованной правоприменительной практики, применялась следующая методологическая основа: совокупность абстрактно-логического, индуктивного и дедуктивного методов, методов сравнительного и статистического анализа. Результаты: Из общего числа потерпевших несовершеннолетними (в возрасте от 11 до 18 лет) были 26,6%. От числа всех несовершеннолетних, совершивших суицид, число погибших составило 83,3%. Все выжившие остались в живых по независящим от них обстоятельствам. Таким образом, большинство подростков пытались довести суицид до конца. Из всех потерпевших несовершеннолетних лица женского пола составили 63,6%, мужского – 36,4%. Следовательно, девочки-подростки подвергаются насилию, приведшему к суициду, почти в два раза чаще по сравнению с мальчиками. Лица, доведшие несовершеннолетних до самоубийства, как правило, входили в ближайший круг общения: несовершеннолетние обвиняемые были сверстниками с потерпевшими в 28,9% случаев; в 29,1% обвиняемым был отец, в 21,1% – мать, в 14,4% – сожитель матери, в 6,5% – опекун. Лишь в 6,5% случаев несовершеннолетние подверглись психическому насилию, в остальных 93,5% – как психическому, так и физическому. В большинстве случаев насилие осуществлялось систематически в течение нескольких лет. В 41,1% от общего числа изученных приговоров в качестве доказательства использовались судебно-экспертные заключения психиатров или психологов как в отношении потерпевших, так и обвиняемых, а в 58,9% случаев решение вопросов, требующих специальных знаний, касающихся психической сферы человека, осуществлялось работниками правоохранительных органов самостоятельно. Удельный вес психологических и психиатрических экспертиз по всем изученным приговорам

был следующим: психиатрические – 21,5%, комплексные психолого-психиатрические – 9,9%, психологические – 9,7%, что позволяет констатировать наличие тенденции преимущественного использования психиатрических знаний по сравнению с психологическими и комплексными при расследовании данной категории дел. В ходе исследования было установлено отсутствие связи между фактом назначения экспертизы и возрастом суицидента, исходом суицидальной попытки, наличием оказанного в отношении него насилия. Кроме того, была выявлена недостаточность психологического аспекта экспертного подхода к обвиняемым в части установления мотива поведения, которое впоследствии вызвало у потерпевшего попытку совершить суицид. Исследование текстов приговоров на предмет установления особенностей назначения судебно-психологической экспертизы в отношении потерпевших показало, что доля судебных экспертиз, проведённых в отношении потерпевших, составляет 76% от всего числа психологических экспертиз, а в отношении обвиняемых – 24%. По данной категории дел частота проведённых судебных экспертиз в отношении суицидентов такова: психологические – 37,7%, психиатрические – 31,2%, комплексные психолого-психиатрические – 31,1%. В 87,9% случаев наряду с установлением состояния, предшествующего суициду, определялась причинно-следственная связь между действиями обвиняемых по доведению до самоубийства и принятием суицидентом решения об уходе из жизни. Экспертный вывод был также положительным. Назначение судебных экспертиз в отношении несовершеннолетних осуществлялось только в 35,7% случаях. При относительно редком назначении экспертиз по делам, где суицидент был несовершеннолетним, приоритетной областью специальных знаний, подлежащих использованию, является психиатрия (по сравнению с психологией). Таким образом, были выявлены проблемы использования специальных психологических знаний в форме судебно-психологической экспертизы при расследовании побуждения несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети «Интернет». Выводы: с учётом значительного пробела в использовании специальных психологических знаний в правоприменительной практике большое значение приобретает изучение характера и современных тенденций их использования при расследовании совершения доведения до самоубийства, а также склонения и побуждения к его совершению несовершеннолетних с использованием сети «Интернет», поскольку ряд обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам данной категории, могут быть установлены с помощью судебно-психологической экспертизы.

Ключевые слова: самоубийство, расследование, несовершеннолетние, сеть «Интернет», побуждение к самоубийству, доведение до самоубийства, специальные знания, судебно-психологическая экспертиза, эксперт-психолог

Благополучие современного общества может оцениваться по различным показателям – социальным, экономическим, политическим и т.п. Очевидно, что такие явления, как духовный кризис, преступность, безработица и др. самым отрицательным образом сказываются на жизни сегодняшнего человека. Ярким индикатором подобного рода неблагополучия может стать рост числа суицидов, проявляющийся в период нарастания кризисных явлений в государстве и обществе. Ежегодно в мире от 800 тыс. до 1 млн человек лишают себя жизни, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства [1, 2], что свидетельствует о наличии широкого спектра кризисных явлений мирового уровня. В Российской Федерации число самоубийств в последние годы стабильно снижается, но остаётся достаточно высоким [3].

Особо настораживает тот факт, что в мире самоубийства являются второй ведущей причиной смерти среди молодых людей 15-29 лет [1]. В детях и лицах молодого возраста заложен потенциал развития современного общества, его дальнейшие духовные, гуманистические и социальные перспективы. Именно по-

этому увеличение проявлений молодёжной аутодеструкции вообще и рост числа суицидов в детской и подростковой среде в частности является не только показателем существующих социальных проблем, но ставит под вопрос само дальнейшее существование любого общества и государства.

К сожалению, на сегодняшний день приходится констатировать, что в России количество самоубийств, совершённых несовершеннолетними, продолжает оставаться очень высоким. Так, в 2017 году в Пояснительной записке к проекту федерального закона N 118634-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» отмечается, что «за последние три года совершили суицид 2205 детей. Приведённая печальная статистика дополняется значительным количеством суицидальных попыток среди несовершеннолетних, которые находятся вне официальной статистики. Как ранее отмечалось Роспотребнадзором и

экспертами, попытки самоубийств многократно превышают число самоубийств, а у половины подростков, совершающих такие попытки, они являются не первыми [4].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет самоубийство как «преднамеренный акт убийства самого себя» [1] (от латинского *suī* (себя) и *caedere* (убивать)). Самоубийства – это сложный вопрос, и, поэтому усилия по предотвращению самоубийств требуют координации и совместной работы целого ряда секторов общества, включая сектор здравоохранения и такие другие сектора, как образование, трудовые ресурсы, сельское хозяйство, бизнес, правосудие, право, оборона, политика и СМИ. Такие усилия должны быть всеобъемлющими и комплексными, поскольку какой-то один подход не может оказать воздействие на столь сложный вопрос, как самоубийства [1].

Юридические науки (уголовное право и процесс, криминология, криминалистика) располагают целым арсеналом средств, которые в совокупности с другими областями научного знания могут быть употреблены для решения различных аспектов проблемы молодежного суицидального поведения. При этом мы разделяем точку зрения авторов, которые полагают, что «нет никаких весомых оснований ... игнорировать криминалистические аспекты суицидального поведения, являющегося предметом суицидологии» [5], в частности, в тех случаях, когда причиной суицида несовершеннолетнего послужило преступное поведение другого лица (как совершеннолетнего, так и лица в возрасте от 16 до 18 лет). К числу таких преступлений относятся доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Прошло всего около двух лет с момента публикации статьи Галины Мурсалиевой, появившейся в издании «Новая газета», в которой автор рассказала о «группах смерти» и деятельности их участников по доведению до самоубийства несовершеннолетних [6]. На момент выхода данной публикации в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – РФ) не были описаны составы преступлений, связанных со склонением к совершению самоубийства и побуждением к его совершению как

непосредственно, так и с использованием сети «Интернет». В ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» речь об использовании Интернета для совершения противоправного деяния также не шла. Однако растущее число суицидов несовершеннолетних и широкий общественный резонанс, вызванный данной публикацией, привели к тому, что в весьма короткий срок были внесены изменения в УК РФ с целью обеспечения безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних, создания мер, способствующих предотвращению самоубийств среди детей и борьбы с различными формами содействия суицидам, а также вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для их жизни [4].

За весьма непродолжительный с точки зрения развития правоприменительной практики отрезок времени был подготовлен значительный объём научных исследований, направленных на изучение специфики данного вида молодежного суицидального поведения, а также предложены различные рекомендации по противодействию этому негативному явлению. Представители таких наук, как психология, психиатрия, антропология, социология, лингвистика, суицидология, криминалистика, криминология, уголовное право и процесс и др. предложили для этого целый арсенал научно-практических средств. Примечательно, что очень высокой публикационной активностью на появление проблемы «групп смерти» ответили студенты, магистранты и аспиранты различных российских ВУЗов: анализ результатов по поисковым запросам, сделанным нами в научной электронной библиотеке eLibrary.ru на тему молодежного суицидального поведения, «групп смерти», доведения до самоубийства с использованием сети «Интернет» показал значительное число публикаций молодых учёных в общей массе работ [7, 8, 9 и др.]. Появление большого числа научных исследований на данную тему, проведённых лицами молодого возраста, является, на наш взгляд, индикатором, свидетельствующим о повышенном интересе к проблеме суицида и возможности доведения до него с использованием Интернета, существующем в молодежной среде.

С другой стороны, российское общество за указанный период продемонстрировало всю палитру отношений к проблеме доведения (склонения и побуждения) несовершеннолет-

них до совершения суицида: от массовых панических настроений [10] до полного отрицания возможности существования такой опасности, и на сегодняшний день можно констатировать снижение интереса к данной теме. Так, в комментариях к сообщениям на тему «групп смерти» и доведения подростков до суицида с использованием сети «Интернет» в 2016-2017 годах можно было встретить следующие высказывания: «Sahsok 18 мая 2016 13:54 +1#Честно, не осилил весь текст»; «ddf1212 18 мая 2016 18:15-1#Неужели вы смогли дочитать это хотя-бы до середины?»; «Redzz 18 мая 2016 18:35# плюнул <...> (удалено нами по этическим соображениям – авт.) после 5-ти абзацев» [11]; «rybachicken 26 янв, 2017 12:42 (UTC) ох да пусть делают че хотят, главное чтобы живность не трогали»; «18_berez 26 янв, 2017 13:26 (UTC) Бгг) Очнулась <...> (удалено нами по этическим соображениям – авт.) и решила запостить баян полу-годовой давности. По которому уже давным-давно все отгремело, даже виновников прикрыли.» [12] (сохранена орфография и пунктуация авторов комментариев). Многие сообщения, опубликованные на эту тему в СМИ в 2018 году, остаются без комментариев [13, 14 и др.].

Нельзя не отметить и тот факт, что из 15 изученных нами страниц в сети «Интернет», полученных по запросу «группы смерти в 2018» все страницы, либо в размещённой на них информации содержали негативную оценку факта опасности «групп смерти», либо комментарии, в которых такая позиция поддерживалась их авторами или же высказывались критические замечания по поводу официальных оценок представителей государственных органов ситуации с подростковыми суицидами, вызванными «группами смерти». Примерами таких высказываний могут стать: «Костик • год назад. Просто большинство депутатов которые истерят по поводу групп смерти это совки которые против всего западного, в том числе и интернета...» [15]; «Reyn Dvvar, 24.04.17, 20:24 > Надо остановить распространение наркотиков и суицидов в интернете. Надо кому-то включить мозги и наконец понять, что суициды и наркотики в интернете не распространяются», «kumру, 24.04.17, 17:24 Все лишь бы запретить да забанить...» [16]; «да ни разу. не поверю, что можно склонить к самоубийству! Это кампания властей – либо чей то каприз либо попытки воспользоваться выдумками чтобы закрыть

интернет либо подготовка к судилищам по этой статье совсем других людей и по другим причинам» [17]; «Не просто же так придумали эту страшилку. Раз придумали, значит, под благовидным предлогом «спасения детей» обязательно используют для серьезных запретительных мер в интернете. Посеянная паника, к слову, полностью себя оправдала, даже сверх меры: по существующим ныне тенденциям существенная часть великовозрастных родителей за жизнь своих детей скоро будет не просто поддерживать ограничения в интернете, но и даже боготворить того, кто его запретит. Ведь наши дети «в опасности!»» [18] (сохранена орфография и пунктуация авторов комментариев).

Подобное отношение к рассматриваемой проблеме в одном из исследований было объяснено тем, что «насмешка над смертью и моральной паникой оказывается главным ресурсом поздней волны массовой реакции на игру «синий кит». Именно поэтому на вопрос <...> что школьники думают о «группах смерти» – подростки ответили, что это несерьёзно, что всё это придумано специально, чтобы дискредитировать Интернет, и, чтобы родители имели возможность запретить пользоваться Интернетом или ругать за это» [10]. Как отмечается в научной литературе, игра (имеются ввиду игры в «группах смерти» в социальных сетях – авт.) превратилась в симулякр, в «игру в игру» или отсутствующую игру, в которой одни люди делают вид, что они кураторы, а другие выдают себя за играющих [10].

Таким образом, изложенное позволяет констатировать, что произошла дискредитация информации о том, что доведение до самоубийства, а также склонение и побуждение к нему в отношении несовершеннолетних могут совершаться с использованием сети «Интернет» (социальных сетей). С одной стороны, подобное явление можно рассматривать как конструктивный механизм, снизивший уровень интереса к данной теме, а, значит, и число желающих совершить подобные противоправные деяния. С другой стороны, не могут не вызывать опасений следующие обстоятельства.

Во-первых, многие несовершеннолетние действительно восприняли информацию о «группах смерти» в социальных сетях как игру. «После ареста Лиса и блокирования оригинальных групп начинает появляться множество подобных ей, но организованных подростками

для подростков (во всех случаях, когда возраст «куратора» можно было установить, он оказывался школьником») [10]. Однако, как отмечал Л.С. Выготский, игра – это своего рода негатив того, что происходит в обычной жизни, а смысл игры в том, что в ней ребёнок учится осознавать свои собственные действия, осознавать, что каждая вещь имеет значение [19]. С помощью игры, таким образом, по мнению автора, происходит практическое овладение действительностью [19]. Из этого следует, что с точки зрения прогнозирования дальнейшего поведения несовершеннолетних, воспринявших «группы смерти» в социальных сетях как игру, можно предположить, что в дальнейшем кто-то из них может захотеть воспроизвести подобные действия для получения реального опыта.

Кроме того, благодаря широкому распространению в средствах массовой коммуникации информации о том, какими средствами совершаются такие преступления, как доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, а также побуждение к его совершению, подростки получили своего рода наставления, инструкции, которые могут ими быть впоследствии использованы. В педагогической психологии существует термин «зона ближайшего развития», введённый Л.С. Выготским [20], – это то, что несовершеннолетний на данном актуальном этапе развития выполняет в сотрудничестве, а на последующих этапах будет делать самостоятельно. Как отмечает А.А. Леонтьев, «совершенно недостаточно учитывать, что ребёнок может и умеет сейчас, важно, что он сможет и сумеет завтра, какие процессы, пусть сегодня не завершившиеся, уже зреют». В этом контексте механизм подражания означает, «что сегодня ребёнок умеет делать в сотрудничестве и под руководством, завтра он становится способен выполнять самостоятельно» [21]. Таким образом, можно прогнозировать, что число лиц, желающих по различным причинам совершить подобные деяния, могут в будущем пополниться за счёт тех несовершеннолетних, которые первоначально восприняли данную ситуацию как игровую.

Во-вторых, за последние годы снизился уровень возможного родительского контроля над тем, к какой информации получает доступ несовершеннолетний. Это обусловлено двумя факторами: 1) многие несовершеннолетние являются обладателями смартфонов (от англ.

smartphone – «умный телефон») – телефонов, сочетающих в себе также функции компьютера, позволяющих незаметно для окружающих осуществлять активность во всемирной паутине; 2) широкое распространение получили мобильные версии информационных контентов, не требующие для ознакомления с ними, как раньше, доступа к персональному компьютеру, а сама информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» давно уже стала культурным явлением, позволяющим преодолевать культурные и географические границы [22]. Оба названных фактора облегчают несовершеннолетним задачу получения информации, нежелательной для них с точки зрения родителей и других законных представителей, и, кроме того, в разы увеличивают вероятность коммуникации несовершеннолетних с неограниченным и не доступным для оценки его безопасности кругом лиц. Так, согласно исследованию аудитории Google, пользователи 13-17 лет наиболее активны в социальных сетях; четверть респондентов в возрасте от 13 до 24 лет проверяют информацию в социальных сетях каждые 30 минут, а у 69% респондентов 13-17 лет возникает желание сразу отреагировать на сообщение или новость [23].

В-третьих, в специальной литературе в отношении несовершеннолетних рекомендуется всегда помнить и учитывать: недостаток жизненного опыта, незавершённость формирования принципов, правил, понятий, критериев самооценки и оценки окружающих и, как следствие, неумение (неспособность) рассмотреть истинный смысл происходящих событий; доверчивость, повышенная эмоциональность, возбудимость и внушаемость, податливость уговорам и угрозам, импульсивность, стремление подражать старшим, переоценка своих возможностей» [24], то есть, фактически, констатируется их слабый психический потенциал. Кроме того, нельзя не отметить значительное число случаев проявления аутодеструкции [25, 26 и др.], при которой основная цель самоповреждений заключается в невозможности реализовать негативные эмоции подростка другим способом [27]. Помимо этого в российской [28] и зарубежной [22, 29] научной литературе уже давно констатируется влияние сети «Интернет» на повышение доступности информации о способах совершения самоубийств. Ещё одним моментом, важным для рассмотрения проблемы подросткового суици-

да, является «эффект Вертера». Данный термин был введён в качестве научного в 1974 г. американским социологом Дэвидом Филлипсом и стал использоваться в специальной литературе для обозначения подражательных самоубийств [30]. Перечисленные факторы делают несовершеннолетних наиболее уязвимыми перед потенциальной угрозой совершения в отношении них правонарушений, связанных с доведением до самоубийства, склонением и побуждением к совершению самоубийства.

В-четвертых, серьезные социальные, культурные, политические и экономические изменения, а также научно-технический прогресс самым существенным образом влияют на преступную деятельность, формируя все новые и изощренные способы совершения преступлений. При этом не вызывает сомнений утверждение о том, что одна из наиболее опасных тенденций – проникновение криминальных угроз в информационно - телекоммуникационную среду, в том числе и в сеть Интернет [31]. Кроме того, в числе особенностей данной сети необходимо назвать быстрое распространение информации и возможность её копирования, анонимность, порождающая ощущение свободы, стремительное развитие агрессивных реакций пользователей и т.п. Если учесть, что доведение до самоубийства, а также склонение и побуждение к его совершению могут происходить не только в виде игры, но и путём организованной травли, распространения порочащей информации, посредством внушающего воздействия, создающего депрессивное состояние, и другими способами, то становится очевидным, что данное средство массовой коммуникации ещё не исчерпало свой криминогенный потенциал.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что опасность совершения доведения до самоубийства, а также склонения и побуждения к его совершению несовершеннолетних с использованием сети «Интернет» продолжает оставаться высокой.

Данный вывод подтверждается также значительным числом судебных решений, вынесенных в различных регионах Российской Федерации по искам прокуратуры в защиту интересов неопределённого круга лиц о признании сведений, размещенных на Интернет - страницах, информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено [32, 33, 34], в связи с тем, что на указан-

ных в данных решениях интернет-страницах размещалась информация о способах совершения самоубийства. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» к информации, запрещённой для распространения среди детей, относится информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству.

Учитывая вышесказанное, приходится признать, что в случае изменения способов совершения доведения до самоубийства, а также склонения и побуждения к его совершению несовершеннолетних с использованием сети «Интернет» правоприменители могут оказаться не готовыми оказывать противодействие данным преступным деяниям, как это было при появлении «групп смерти». Так, в Пояснительной записке к проекту ФЗ N 118634-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» прямо отмечено: «новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой, не были своевременно оценены криминологами и по факту приняли широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а, значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, своевременному пресечению их действий, а также защите потерпевших» [4].

Очевидно, что учёным и правоприменителям важно выработать общие принципы противодействия совершению доведения до самоубийства, а также склонения и побуждения к его совершению несовершеннолетних с использованием сети «Интернет», которые позволили бы своевременно выявлять, раскрывать и расследовать подобные преступления, а также проводить профилактические мероприятия даже в тех случаях, когда происходит изменение типичных способов их совершения.

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос применения эффективных средств достижения целей уголовного судо-

производства. С точки зрения науки криминалистики, поскольку в данном случае речь идёт о сложной комплексной, междисциплинарной проблеме (даже само понятие суицида рассматривается разными науками), то очевидной становится необходимость привлечений для этих целей специальных знаний в уголовном судопроизводстве как для расследования уже совершённых актов доведения до совершения самоубийства несовершеннолетними, склонения и побуждения подростков к суициду, так и для их предотвращения.

В уголовно-процессуальной и криминалистической науке, а также в теории судебной экспертизы под термином «специальные знания» понимается система знаний в различных областях теоретической и практической деятельности, полученных, как правило, в рамках высшего профессионального образования по определённому направлению подготовки или специальности, которые не относятся к общеизвестным, общедоступным, не являются правовыми и используются сторонами уголовного судопроизводства или судом в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [35].

В уголовном судопроизводстве лицами, обладающими специальными знаниями, являются судебные эксперты и специалисты. Эксперт – это «лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения» (ч. 1 ст. 57 УПК РФ). «Специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Границами специальных знаний в какой-либо научной области определена профессиональная компетенция судебного эксперта и специалиста, привлечение которого проводится для содействия осуществлению уголовного судопроизводства, в том числе «для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Специальные знания при расследовании преступлений могут быть использованы в процессуальных и непроцессуальных формах. К процессуальным относятся предусмотренные в уголовно-процессуальном законодательстве судебные экспертизы, заключения специалистов, показания экспертов и специалистов и

др., а к непроцессуальным – не предусмотренные, но и не запрещённые уголовно - процессуальным законом, активно используемые в практической деятельности для оперативного решения вопросов с использованием специальных знаний (консультационно-справочная деятельность специалистов и экспертов, результаты которой не зафиксированы документально).

Специальные знания являются инструментом, позволяющим устанавливать широкий круг самых разнообразных обстоятельств, имеющих большое значение для расследования уголовных дел. При этом именно использование специальных знаний в качестве средства получения информации о расследуемом событии даёт возможность правоприменителям решать поставленные задачи в условиях стремительно изменяющейся криминогенной обстановки.

При определении областей специальных знаний, которые необходимо использовать при расследовании доведения до самоубийства, склонения и побуждения к его совершению несовершеннолетних, следует учитывать, что специфической чертой такого расследования является необходимость решения целого ряда вопросов о сохранности психики как правонарушителя, так и потерпевшего с учётом их психического статуса и состояния.

Привлечение специалистов-психиатров к расследованию доведения до самоубийства давно стало в уголовной правоприменительной практике традиционным. Как отмечается в научной литературе, психопатологический подход долгие десятилетия доминировал и в советской психиатрии, где все суициденты подлежали обязательному направлению в психиатрические стационары для диагностики их психического состояния и лечения. В современных американских руководствах по психиатрии состояние психического здоровья также считается высоко значимым фактором при совершении суицидов [36]. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (версия 2018 года) называет самоубийство в числе внешних причин заболеваемости и смертности [37], а ВОЗ рассматривает самоубийства как проблему общественного здравоохранения [1]. При этом на сайте организации отмечается, что причинами самоубийства являются психические нарушения (такие как депрессия, проблемы личности, алкогольная зависимость или шизофрения), а также физиче-

ские заболевания, такие как неврологические болезни, рак и ВИЧ-инфекция» [1].

Вместе с тем, причины и обстоятельства совершения самоубийства, а также доведения до самоубийства и склонения и побуждения к его совершению у несовершеннолетних могут лежать не только в плоскости психических заболеваний. Поскольку в предмет психологии входит изучение процессов, свойств и состояний психики человека [38], то данной наукой накоплен достаточный багаж знаний, использование которых позволило бы решить целый ряд вопросов, возникающих при расследовании рассматриваемой категории дел. Однако с сожалением приходится констатировать, что в использовании специальных психологических знаний в этой области в правоприменительной практике на сегодняшний день существует значительный пробел. В связи с этим большое значение приобретает изучение характера и современных тенденций использования специальных психологических знаний при расследовании доведения до самоубийства, а также склонения и побуждения к нему несовершеннолетних.

Применение специальных психологических знаний в уголовном процессе в основном осуществляется в следующих формах: судебно-психологическая экспертиза (далее – СПЭ) [39, 40], участие специалиста-психолога в следственных действиях, (преимущественно, в допросах), получение заключения специалиста-психолога. Из всех обозначенных форм специальных психологических знаний при расследовании данной категории уголовных дел наибольшее распространение получила судебно-психологическая экспертиза.

Специальные знания, используемые в судебной экспертизе, ограничены предметом базовой для экспертного исследования науки. Для психологической экспертизы – это предмет науки психологии. Специальные знания судебного эксперта-психолога – это психологические теоретические и методологические знания о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющих юридическое значение, полученные в результате специальной профессиональной психологической подготовки и внедренные в практику судебной экспертизы [41].

Сложность и междисциплинарный характер природы судебной экспертизы позволяет

учёным определять судебно-психологическую экспертизу в разных аспектах: 1) как род судебной экспертизы, являющийся самостоятельным звеном в её общей теории; 2) как научное исследование, проводимое на основе специальных научных знаний в области психологии; 3) как особое процессуальное действие; 4) как институт доказательственного права [42].

Для рассмотрения возможностей и проблем использования специальных психологических знаний при расследовании доведения несовершеннолетних до самоубийства, а также их склонения и побуждения к суициду с использованием сети «Интернет» обратимся к материалам правоприменительной практики.

Как показали результаты запроса, сделанного нами на Интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт) для поиска приговоров, вынесенных по ст.ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ, в названной базе имеются только судебные акты, начиная с 2011 года, вынесенные в отношении правонарушителей, чьи деяния квалифицированы по ст. 110 УК РФ. Судебные решения по деяниям, квалифицированным по ст.ст. 110.1, 110.2 УК РФ отсутствуют, хотя в средствах массовой информации (СМИ) появлялись сообщения, обуславливающие возможность ожидать вынесения подобных приговоров [43, 44, 45]. Как пояснил в ходе интервьюирования представитель судейского сообщества, подобная задержка появления судебных актов, скорее всего, является технической, поскольку для размещения соответствующего судебного решения в информационно - телекоммуникационной сети «Интернет» из него необходимо удалить персональные данные участников уголовного судопроизводства, а такая обработка документов требует определенного времени.

Как справедливо констатирует В.С. Соловьев, «учёными отмечается, что в целом возможности исследования статистических показателей в данной сфере крайне ограничены в связи со сложностью получения достоверных сведений и их запаздыванием по сравнению с интенсивностью развития технологий. В то же время не приходится ждать устойчивой фазы, в которой изучаемые показатели были бы стабильными, а значит, рассматривать соответствующие явления необходимо в динамике» [31]. В контексте рассматриваемой проблемы считаем возможным опираться не только на практику судопроизводства по подростковому

суицидам, но и вообще на все имеющиеся судебные акты (приговоры) по всем случаям возбуждения дел по ст. 110 УК РФ, а в дальнейшем экстраполировать этот опыт на акты расследования анализируемых нами составов преступлений.

Таким образом, для определения тенденций в использовании специальных психологических знаний в виде судебной экспертизы при расследовании доведений до самоубийства нами исследовались тексты судебных приговоров (всего 51) за период с 2011 по 2017, вынесенных по фактам доведения до самоубийства как несовершеннолетних, так и совершеннолетних лиц, опубликованные на сайте «Судебные и нормативные акты РФ» [46]. Изучение проблем использования специальных психологических знаний производилось путём сравнительного анализа использования специальных психиатрических знаний.

Тексты приговоров не позволяют судить о привлечении лиц, обладающих специальными психологическими знаниями, к участию в не процессуальных действиях. Среди процессуальных выявлены проведение судебно-психологической (далее – СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (далее – КСППЭ), а также допрос судебного эксперта-психолога в суде.

По одной из распространённых классификаций судебных экспертиз судебная психологическая экспертиза как род входит в класс медицинских экспертиз наряду с такими родами, как медицинская, психиатрическая и комплексная психолого-психиатрическая экспертизы [24].

По имеющимся в судебных приговорах данным, во всех случаях (100%) назначались судебные медицинские экспертизы (либо экспертиза трупа для установления причины смерти, либо экспертиза живого лица, предпринявшего суицидальную попытку, для установления характера и размера вреда, причинённого здоровью).

В 41,1% от общего числа изученных приговоров в качестве доказательства использовались судебно-экспертные заключения психиатров или психологов как в отношении потерпевших, так и обвиняемых. Это означает, что в остальных 58,9% случаев решение вопросов, требующих специальных знаний, касающихся психической сферы человека, осуществлялось работниками правоохранительных органов

самостоятельно, исходя из их общежитейских представлений. Поскольку распределение частот назначения и неназначения таких экспертиз (41,1 и 58,9) по χ^2 -критерию [47] статистически близко к равномерному, то, значит, практически в половине случаев при расследовании такого рода уголовных дел специальные психологические (и психиатрические) знания не использовались.

Удельный вес психологических и психиатрических экспертиз по всем изученным приговорам был следующим: психиатрические – 21,5%, КСППЭ – 9,9%, психологические – 9,7%. Такое распределение отличается от равномерного при $\alpha=0,1$ ($\chi^2=5,89$ при $df=2$). Следовательно, прослеживается тенденция преимущественного использования психиатрических знаний по сравнению с психологическими и комплексными при расследовании данной категории дел, и психиатрическая основа юридически значимого поведения как потерпевших, так и обвиняемых при совершении суицида рассматривается как наиболее актуальная независимая переменная по сравнению с такими переменными, как психологическая и комплексная основы.

Для определения независимых переменных, влияющих на факт назначения психологических и психиатрических экспертиз, нами проводился корреляционный анализ через вычисление ϕ -коэффициента Пирсона (дихотомический измерительный уровень) [48] между фактом назначения экспертиз, с одной стороны, и, с другой стороны, – данными о смертельном исходе (погиб/выжил) предпринятой суицидальной попытки, об оказанном насилии (физическим, психическим) над суицидентом (оказывалось / не оказывалось), о возрасте потерпевшего (совершеннолетний / несовершеннолетний). В первом случае $\phi=0,16$, во втором $\phi=0,11$, в третьем $\phi=0,01$. Все корреляционные показатели оказались близкими к нулевой отметке, что свидетельствует об отсутствии связи между фактом назначения экспертизы и возрастом суицидента, исходом суицидальной попытки, наличием оказанного в отношении него насилия. Таким образом, данные факторы, касающиеся субъекта суицида, не являются поводом для назначения судебных психологических или психиатрических экспертиз.

Судебные экспертизы (психологические, психиатрические и комплексные) могут быть назначены как в отношении подозреваемого

(обвиняемого), так и в отношении потерпевшего (суицидента).

В литературе имеются рекомендации по использованию лишь судебной экспертизы потерпевшего при расследовании данной категории. Однако из материалов правоприменительной практики известно, что при расследовании побуждения к совершению самоубийства назначалась и судебная экспертиза обвиняемого [49]. Так, в конце 2016 г. в Ленинградской области правоохранительными органами был задержан организатор одной из виртуальных «групп смерти» Филипп Будейкин, которому было предъявлено обвинение по ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». Как известно из СМИ, при расследовании дела, возбуждённого в отношении Будейкина, была проведена экспертиза на установление его способности понимать значение своих действий и руководить ими. Этот прецедент показывает, что при расследовании дел о самоубийстве возможно проведение экспертиз не только потерпевшего, но и лица, обвиняемого в доведении до самоубийства.

Для решения вопроса о способности обвиняемого понимать значение своих действий и руководить ими обычно назначают судебную психиатрическую экспертизу, но может быть назначена и КСППЭ. Данные экспертные заключения учитываются судом для решения вопроса о вменяемости подсудимого.

Экспертное задание для психиатров в таких случаях может содержать следующие вопросы: 1. Страдал ли подэкспертный психическим расстройством в ситуации взаимодействия с потерпевшим? 2. При наличии психического расстройства мог ли обвиняемый в полной мере понимать значение собственных действий и их общественную опасность? 3. Мог ли он в полной мере руководить своими действиями в момент деликта?

Из всех назначенных по делам данной категории судебных экспертиз только пять было проведено в отношении обвиняемых, и все они были судебно-психиатрическими. Их использование было направлено на определение наличия у обвиняемых психических расстройств, и в этой связи – способности подэкспертных осознавать значение и общественную опасность собственных действий, а также способности руководить собственными действиями в юридически значимых ситуациях. Судебно-экспертный вывод использовался судом для

установления вменяемости обвиняемого и был положительным во всех анализируемых нами случаях. Экспертный подход характерен для 10% случаев. В 4% случаев решение о вменяемости принималось следствием, судом на основании данных об отсутствии постановки обвиняемых на учет в психиатрических учреждениях. В остальных 86% случаев решение о вменяемости решалось, исходя из внутреннего убеждения следователя или судьи.

В экспертном подходе к обвиняемым недостаточен психологический аспект в части установления мотива поведения, которое впоследствии вызвало у потерпевшего попытку совершить суицид. Из 51-го приговора только в одном случае судья вынес решение об оправдании по ст. 110 УК РФ, так как отсутствовали мотив и цель, связанные с доведением до самоубийства. Так, из приговора известно, что подсудимый и погибшая были школьного возраста, встречались, но потом девушка прекратила отношения и начала встречаться с другим. Подсудимый распространил личное видео интимного содержания со своим участием и участием погибшей по скайпу, так как «хотел вернуть свою девушку». После гибели потерпевшей подсудимый также хотел покончить с собой, так как очень переживал о том, что после совершённых им действий девушка покончила с собой. Примечательно, что у погибшей ранее была связь с молодым человеком, также покончившим с собой более чем за год до описываемых событий [50].

Полагаем, что вместо судебной психиатрической экспертизы обвиняемого целесообразно проведение КСППЭ, что позволит, с одной стороны, решить входящий в компетенцию эксперта-психиатра вопрос о вменяемости обвиняемого, а с другой – определить индивидуально-психологические особенности его личности, специфику ситуации взаимодействия обвиняемого с потерпевшим, главные психологические мотивы деяния, инкриминируемого обвиняемому, что входит в компетенцию эксперта-психолога. Другим вариантом установления перечисленных обстоятельств может стать проведение двусторонней судебной психологической экспертизы, которая в случае необходимости может быть назначена и проведена после психиатрической экспертизы (экспертиз).

Термин «двусторонняя экспертиза» был введён М.М. Коченовым и обозначал одновре-

менное проведение СПЭ как в отношении потерпевших, так и в отношении обвиняемых по делам об изнасиловании. Цель такого подхода состоит в раскрытии механизмов межличностного взаимодействия между фигурантами дела в юридически значимой ситуации [51]. По анализируемой нами категории дел также возможно проведение психолого-экспертного исследования обвиняемого и потерпевшего, а также характера их межличностного взаимодействия в рамках одной судебной экспертизы, имеющий двусторонний характер.

Как показало изучение текстов приговоров по 51 уголовному делу, в 3 случаях в доведении до самоубийства участвовала группа, однако в качестве обвиняемого был привлечен по каким-то причинам один участник. Полагаем, что более продуктивным в этих случаях было бы проведение судебной социально-психологической экспертизы преступной группы, предметом которой является установление степени сплоченности группы, индивидуально-психологические особенности и роли каждого участника в совершении преступления (в том числе – лидерство), а также – цели создания группы (целевое единство) и мотивацию участия каждого (смысл поведения). Решение данных вопросов позволило бы более точно индивидуализировать уголовную ответственность каждого участвующего в доведении потерпевшего до суицида.

В литературе по судебно-психологической экспертиологии содержатся рекомендации, согласно которым при расследовании дел, связанных с самоубийством, возможно назначение посмертной судебной экспертизы в отношении потерпевшего [52, 53, 54]. Рассмотрим особенности назначения СПЭ в отношении потерпевших.

Исследование текстов приговоров на предмет установления особенностей назначения СПЭ в отношении потерпевших показало следующее. Доля судебных экспертиз, проведенных в отношении потерпевших, составляет 76% от всего числа СПЭ, а в отношении обвиняемых – 24% (χ^2 -критерий = 27,04, что статистически значимо при $df=1$ и $\alpha=0,001$). Эти данные свидетельствуют о преимущественном стремлении правоохранительных органов к использованию специальных знаний для более тщательного исследования всех обстоятельств расследуемого события в отношении потерпевших по сравнению с обвиняемыми.

Частота проведенных судебных экспертиз в отношении суицидентов такова: психологические – 37,7%, психиатрические – 31,2%, комплексные психолого-психиатрические – 31,1%. Значение χ^2 -критерия по данным частотам соответствует 0,98, что означает отсутствие отличия эмпирического распределения частот от равномерного. Из этого следует, что по данной категории дел в отношении лиц, покончивших жизнь самоубийством, использование специальных психологических знаний в виде судебно-психологических экспертиз происходит так же часто, как и применение в форме судебных экспертиз специальных психиатрических знаний.

При проведении экспертизы суицидента независимо от её рода (психологическая, психиатрическая, психолого-психиатрическая) в 100% случаев ею устанавливаются особенности предшествующего суициду психоэмоционального состояния лица и определяется, могло ли это состояние предрасполагать к совершению суицида. Во всех проанализированных случаях экспертный вывод был положительный.

Причиной самоубийства могут явиться разные факторы. При наличии данных в материалах дела о признаках психического нездоровья лица, покончившего жизнь самоубийством, в отношении него должны быть назначены посмертные судебная психиатрическая экспертиза или комплексная психолого-психиатрическая экспертиза (КСПЭ). Посмертная же судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) назначается в отношении лиц, чьё психическое здоровье не вызывает сомнений или данный факт подтвержден экспертным заключением судебных психиатров.

Если вывод следователя о самоубийстве носит предположительный характер, то экспертное задание для психологов и/или психиатров, определяющее предметное поле экспертизы, может состоять из следующих вопросов: 1. Каковы были основные индивидуально-психологические (личностные, эмоционально-волевые, мотивационные, интеллектуальные) особенности личности подэкспертного, которые могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации? 2. В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествующий смерти?

В случае, если факт самоубийства не вызывает сомнения, то в экспертное задание для

КСПЭ могут входить следующие вопросы: 1. Страдало ли лицо, покончившее самоубийством, психическим расстройством? 2. Если это было так, то могло ли психическое расстройство повлиять на решение суицидента покончить с собой? 3. Если суицидент не страдал психическим расстройством, то было ли его состояние в период, предшествующий смерти, предрасполагающим к самоубийству? 4. Если его состояние было таковым, то в чём оно проявлялось, и чем вызывалось? Первые два вопроса предназначены для экспертов-психиатров, другие два – для экспертов-психологов.

Приведём выдержки из психиатрических и психологических экспертных заключений, указанных в приговорах, которые характерны для многих заключений. В качестве примера судебно-психиатрического экспертного описания психического состояния, предшествующего суициду, может быть использовано следующее: «А.К. при жизни каким-либо психическим расстройством не страдал. Непосредственно после совершённых в отношении него противоправных действий у А.К. развились признаки «Острой реакции на тяжелый стресс» (F43.0 по МКБ-10), о чём свидетельствует нарастающее в течение нескольких часов психоэмоциональное напряжение, снижение фона настроения, тревога, острое чувство страха, параноидоподобная симптоматика и импульсивное самоубийство как деструктивный выход из психотравмирующей ситуации» [55]. В качестве текста, иллюстрирующего судебно - психологическое экспертное описание психического состояния, предшествующего суициду, может быть приведено следующее: «С.В. в период времени, предшествующего самоубийству, находился в состоянии фрустрации базовых потребностей, что соответствует predispositional стадии совершения суицида, в связи с чем, суицид являлся для него решением проблемы, выходом из затруднений, психологического кризиса, выходом из сложившейся трудной жизненной ситуации. Фрустрированные психологические потребности являются общим стрессом при суициде. При этом главными суицидальными эмоциями ... С.В. очевидным образом являлись на протяжении длительного времени присущие ему чувства безнадежности и беспомощности, аффективное сужение когнитивной сферы (так называемая «туннельность») сознания с ограничением использования интеллектуальных возможностей, резкое ограничение

вариантов выбора поведения, которое привело к развитию отчаяния. Осуществленный им суицид может быть отнесен к типу «отказ», когда мотивом является отказ от существования и необходимости решать какие-либо проблемы, а целью – лишения себя жизни» [56] (сохранена орфография и пунктуация, имевшие место в анализируемых приговорах).

Как видим, вывод о состоянии, предшествующем суициду, был сделан экспертами в категоричной форме и может служить прямым доказательством по делу.

Поскольку поводом для назначения СПЭ может служить предположение о доведении лица до самоубийства, то в таком случае экспертное задание для психолога дополняется вопросом: «Существует ли причинно - следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или иные действия, которые квалифицируются следствием как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и возникновением и развитием психического состояния потерпевшего в период, предшествующий самоубийству?» [39, 40].

В 87,9% случаев наряду с установлением состояния, предшествующего суициду, определялась причинно-следственная связь между действиями обвиняемых по доведению до самоубийства и принятием суицидентом решения об уходе из жизни. Экспертный вывод был также положительным.

Полученный результат свидетельствует о главной функции, выполняемой судебными экспертами – установлении причинной связи между действиями обвиняемого лица и приведением потерпевшего в состояние, предрасполагающее к совершению суицида, и, как следствие, – реализации суицидальных намерений. Тем не менее, как было указано нами ранее, основания назначения экспертиз являлись не особенностями суицидента, а потребность в экспертном установлении состояния, предшествующего суициду, и причинно-следственной связи между этим состоянием и действиями обвиняемого, а сами экспертизы проводились только в половине случаев. В этой связи можно предположить, что психологические и психиатрические экспертизы зачастую применяются для усиления слабой доказательственной базы по делам о доведении до самоубийства.

Продемонстрируем особенности установления экспертными средствами причинно-

следственной связи между действиями подозреваемого (обвиняемого) и последующим актом суицидального поведения потерпевшего. В качестве примера судебно-психологического экспертного обоснования причинно - следственной связи между поведением обвиняемого и предсуицидальным состоянием потерпевшего можно использовать следующий текст из заключения судебной психологической экспертизы № 1202/7-1-20.1 от 13 июля 2015 года: «Длительное, ничем необоснованное, жёсткое и грубое обращение подсудимого Насретдинова, причиняли потерпевшей Н. сильные физические и нравственные страдания, которые, согласно, «...привели её в состояние фрустрации (блокировка значимых потребностей, переживание безысходности, безнадежности)». Согласно выводам данной экспертизы, «психическое состояние, в котором находилась Н. в период времени, предшествующий самоубийству, характеризуется высокой степенью суицидального риска и могло predispose её к самоубийству» [57]. Примером судебно - психиатрического экспертного обоснования причинно-следственной связи между поведением обвиняемого и предсуицидальным состоянием потерпевшего является следующий тезис: «Данное психическое состояние (острая реакция на стресс F43 по МКБ-10), в период, предшествовавший её смерти, могло способствовать принятию решения покончить жизнь самоубийством» [58] (сохранена орфография и пунктуация, имевшие место в исследованных приговорах).

Таким образом, вывод о причинно - следственной связи между поведением обвиняемого и предсуицидальным состоянием потерпевшего может носить как категоричный, так и вероятностный характер. В последнем случае он может служить лишь косвенным доказательством вины доведения до самоубийства.

Полагаем, что при проведении посмертной экспертизы выводы как о состоянии потерпевшего, предшествующем смерти, так и о причинно-следственной связи действий обвиняемого и предсуицидального состояния потерпевшего могут быть только вероятностными и служить косвенными доказательствами по делу.

Как показало изучение приговоров, экспертные выводы о наличии причинно - следственной связи между действиями подозреваемого (обвиняемого) и наступившими обще-

ственно-опасными последствиями по делам рассматриваемой категории обычно делаются экспертами в результате менее тщательного анализа, чем при исследовании психо - эмоционального состояния суицидента. Пример судебно-психологического экспертного вывода о наличии причинно-следственной связи из заключения психологической судебной экспертизы №1202/7-1-20.1 от 13 июля 2015 года был приведён нами ранее [57]. Иллюстрацией судебно-психиатрического экспертного вывода о наличии причинно-следственной связи может являться нижеследующая формулировка: «Заключение судебно-психиатрического эксперта (комиссии экспертов) № от ДД.ММ.ГГГГ, согласно которой ФИО2 психическими расстройствами не страдал; в период, предшествующий смерти, ФИО2 находился в состоянии пониженного настроения, эмоциональной лабильности, испытывал чувство вины, высказывал мысли о нежелании жить, которое в целом можно отнести к состоянию, predisposing к самоубийству; состояние, predisposing к самоубийству, могло быть вызвано длительным семейным конфликтом с ФИО3, ФИО21, ФИО8 и ФИО22» [59] (сохранена орфография и пунктуация, имевшие место в анализированных приговорах).

Анализ текстов приговоров на предмет установления специфики осуществления расследования в случаях, когда кто-либо из фигурантов являлся несовершеннолетним, позволил выявить следующие закономерности. Из общего числа потерпевших несовершеннолетними (в возрасте от 11 до 18 лет) были 26,6%. При этом число несовершеннолетних, погибших от суицида, составило 19,6% от общего числа потерпевших. От числа всех несовершеннолетних, совершивших суицид, число погибших составило 83,3%. Таким образом, доля несовершеннолетних суицидентов составляет приблизительно треть от всех суицидентов, и большинство из подростков доводят суицид до конца. Все выжившие остались в живых по независящим от них обстоятельствам.

Назначение судебных экспертиз в отношении несовершеннолетних осуществлялось только в 35,7% случаях. Соответственно в 64,3% случаях экспертизы, связанные с установлением психических особенностей фигурантов дел, не были назначены вообще.

Анализ практики использования судебных экспертиз при расследовании данной категории

уголовных дел показывает, что из всех назначенных экспертиз доля психиатрических составляет 14,3%, комплексных психолого-психиатрических экспертиз – 14,3%, психологических – 7,1%. В этой связи можно сделать вывод о том, что даже при относительно редком назначении экспертиз по делам, где суицидент был несовершеннолетним, приоритетной областью специальных знаний, подлежащих использованию, является психиатрия (по сравнению с психологией).

Из всех потерпевших несовершеннолетних лица женского пола составили 63,6%, мужского – 36,4%. Следовательно, девочки-подростки подвергаются насилию, приведшему к суициду, почти в два раза чаще по сравнению с мальчиками.

Несовершеннолетние обвиняемые были сверстниками с потерпевшими в 28,9% случаев; в 29,1% обвиняемым был отец, в 21,1% – мать, в 14,4% – сожитель матери, в 6,5% – опекун. Как видим, лица, доведшие несовершеннолетних до самоубийства, входят в ближайший круг общения (родители или лица, их заменившие, а также сверстники). Из всех случаев только в 6,5% несовершеннолетние подверглись психическому насилию (унижения, оскорбления, угрозы), в остальных 93,5% – как психическому, так и физическому, причём насилие в большинстве случаев осуществлялось систематически в течение нескольких лет.

В случаях, когда преступная деятельность осуществляется с использованием сети «Интернет», единственным методом воздействия на психику несовершеннолетнего может стать психическое насилие, поэтому в таких случаях особая роль должна принадлежать судебно-психологическим экспертным исследованиям по выявлению признаков психического насилия при оказании психического воздействия на реципиента (потерпевшего).

При установлении факта применения психического насилия к подросткам с использованием сети «Интернет» следователь должен выявлять комплекс следующих признаков: деструктивность целей оказываемого психического воздействия; ограничение несовершеннолетнего в свободе осознанного выбора форм поведения под влиянием психического воздействия [60]; реализацию реципиентом в своих действиях чужих интересов; негативные последствия для здоровья и жизни подростка, наступившие в результате вторжения в сферу

его психической деятельности [61]. Следует учитывать, что при оказании психического насилия происходит «снижение субъектности реципиентов» [62].

Осуществление психического насилия, минуя сознание воспринимающей стороны, происходит преимущественно в форме внушающего воздействия, которое представляет собой вторжение в психику человека и привнесение посторонних ему идей, и происходит незаметно для него. Специфика внушения состоит в неравенстве сторон: коммуникатор осознанно стремится сформировать нужные ему установки у реципиента, а тот бессознательно их усваивает и солидаризируется с позициями коммуникатора и под влиянием внушения совершает поступки, полагая, что действует, исходя из собственных соображений. Такое поведение внешне представляется как свободное волеизъявление, но на самом деле не обладает необходимой степенью свободы, являясь по сути навязанным извне. При осуществлённом насилии мотивация поступков, совершаемых реципиентом, носит чуждый личности характер, а его поведение служит средством для удовлетворения интересов воздействующей стороны. Человек, на которого оказывается воздействие, эгоистически используется как средство для достижения чуждых ему целей, в результате для него наступают негативные последствия. Несмотря на отсутствие явных форм устрашения, признаком насилия здесь является тот факт, что человек видит только один выход из сложившегося положения.

При обнаружении признаков психического насилия и последующего суицидального поведения подростка действия суггестора (источника внушения) можно квалифицировать как доведение до самоубийства, а также как склонение или побуждение к его совершению (в зависимости от особенностей конкретного дела). В случае же оказанного психического насилия и отсутствия последующего суицида действия преступника можно квалифицировать как предпринятую попытку к совершению данного деяния.

Отметим, что судебно-психологический экспертный подход к формированию доказательственной базы по рассматриваемой категории преступлений находится в настоящее время на стадии становления и требует применения междисциплинарного методологического принципа.

С учётом изложенного считаем возможным констатировать, что специальные психологические знания по делам о доведении несовершеннолетних до самоубийства, а также склонении и побуждении к его совершению с использованием сети «Интернет» целесообразно применять в форме судебной экспертизы для выяснения вопроса о вменяемости подозреваемого (обвиняемого); для установления психического состояния потерпевшего, предшествовавшего совершению суицида, специфики субъективной стороны преступления и причинно-следственной связи между действиями подозреваемого (обвиняемого) и последовавшего за ними акта суицидального поведения; для диагностики психического насилия; в тех случаях, когда преступление было групповым, – для установления степени сплочённости группы, индивидуально-психологических особенностей и роли каждого участника в совершении преступления, а также для установления целевого единства в группе и мотивации участия каждого из её членов.

Заключение.

Проведённое исследование показало, что деятельность правоохранительных органов по использованию специальных психологических знаний в качестве средства познания обстоятельств совершения доведения несовершеннолетних до самоубийства, а также склонения и побуждения их к самоубийству или содействие

к его совершению с использованием сети «Интернет» нуждается в совершенствовании, поскольку практика их применения формировалась в отличающихся от сегодняшних социальных, правовых и иных условиях. В качестве причин, препятствующих широкому и эффективному использованию судебно - психологической экспертизы в целях установления обстоятельств совершения данных преступлений, следует назвать недостаточное знание следователями её возможностей с учётом современного уровня развития психологической науки, непонимание отличий от судебно - психиатрической экспертизы, недостаточное использование консультационной помощи экспертов-психологов или специалистов, отсутствие в большинстве государственных судебно - экспертных учреждений должностей экспертов-психологов. Ряд авторов указывает также на отсутствие теоретических основ большинства проводимых в России судебно - психологических экспертиз [63]. При оперативном решении обозначенных проблем и устранении существующих недостатков специальные психологические знания могут стать эффективным средством исследования многих обстоятельств преступной деятельности, установление которых вызывает серьёзные затруднения у правоприменителей, что позволит значительно повысить эффективность противодействия данным видам преступлений.

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения. Вопросы здравоохранения. Самоубийства. Основные сведения о самоубийствах: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide>
2. Группа особого интереса IASP-генетика и нейробиология суицида. Международной ассоциации по предотвращению самоубийств (МАВМ): <https://iasp.info/genetics.php>.
3. Федеральная служба государственной статистики / население / демография / число умерших по причинам смерти: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона N 118634-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению»: <http://base.garant.ru/57277288/>
5. Лисовецкий А.Л., Бертовский Л.В., Поздняков В.М. Суицидология и криминалистика: пути взаимодействия. *Суицидология*. 2018; 9 (1): 81-86.
6. Мурсалиева Г. Группы смерти. С детьми в социальных сетях работают системно и планомерно, шаг за шагом подталкивая к последней черте. Как родителям распознать надвигающуюся беду. *Новая газета*. № 51 от 16 мая 2016 года: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18>

References:

1. Vsemirnaya organizaciya zdavoohraneniya. Voprosy zdavoohraneniya. Samoubijstva. Osnovnye svedeniya o samoubijstvah [Health issues. Suicide. Basic Suicide Information]: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (In Russ)
2. Gruppya osobogo interesa IASP-genetika i nejbriologiya suicida. Mezhdunarodnoj associacii po predotvrashcheniyu samoubijstv (MAVM): <https://iasp.info/genetics.php>. (In Russ)
3. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki / naselenie / demografiya / chislo umershih po prichinam smerti: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (In Russ)
4. Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona N 118634-7 «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-procussual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mekhanizmov protivodejstviya deyatel'nosti, napravlennoj na pobuzhdenie detej k suicidal'nomu povedeniyu»: <http://base.garant.ru/57277288/> (In Russ)
5. Lisovetski A.L., Bertovskiy L.V., Pozdnyakov V.M. Suicidology and criminalistics: ways of interaction. *Suicidology*. 2018; 9 (1): 80-86. (In Russ)
6. Mursaliev G. Gruppy smerti. S det'mi v social'nyh setyah rabotayut sist-temno i planomerno, shag za shagom podtalkivaya k poslednej cherte. Kak roditelyam raspoznat' nadvigayushchuyusa bedu [Groups of death. They work with children in social networks systematically and according to plan, step by step pushing to the last line. How parents recognize an impending trouble]. *Novaya gazeta*

7. Галицына А.М. «Группы смерти» как средство манипулирования сознанием // Развитие общественных наук российскими студентами: Сборник научных трудов. 2017. Издательство: ООО «Ассоциация молодых ученых». 2017; 30-35.
8. Синева А.Б. Новые медиа как пространство информационного экстремизма на примере «групп смерти» // XIV Королевские чтения: Сб. трудов международной молодежной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика С. П. Королева, 75-летию КуАИ-СГАУ-СамГУ-Самарского университета и 60-летию со дня запуска первого искусственного спутника Земли: в 2 т. 2017; 362-363.
9. Борисова К.О. «Группы смерти» в социальных сетях и методы борьбы с ними // Безопасное детство как правовой и социально-педагогический концепт: мат. IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и специалистов в рамках Недели науки на факультете правового и социально-педагогического образования ПГГПУ. 2017; 84-87.
10. Архипова А.С., Волкова М.Д., Кирзюк А.А., Малая Е.К., Радченко Д.А., Югай Е.Ф. Группы смерти: от игры к моральной панике. М., 2017. 26 с.
11. Самоубийства подростков и таинственные группы смерти во «ВКонтакте» (31 фото + текст): <https://trinixy.ru/129788-detskie-samoubiystva-i-tainstvennye-gruppy-smerti-vo-vkontakte-31-foto-tekst.html#comment>
12. Детские "группы смерти" вконтакте - что же было на самом деле?: <https://rebro-adama.livejournal.com/1269316.html>
13. СобКор «Общество». В соцсетях появились новые «группы смерти». 31-01-2018, 16:20: <https://sobkor.net/obshhestvo/13794-v-socsetyah-poyavilis-novye-gruppy-smerti.html>
14. Землянухина Е. «Синий кит» опять «приплыл». В Сети появились новые группы смерти. 25 января, 10:04: https://life.ru/t/новости/1082234/sinii_kit_opiat_priplyl_v_sieti_poiavilis_novyie_ghruppy_smierti
15. Влияние «групп смерти» на подростковый суицид минимально (МВД России): лишь 1% подростковых суицидов в России связан с «группами смерти» в социальных сетях». Роскомсвобода: <https://roskomsvoboda.org/27184/> от 30.03.2017.
16. Нагорных И., Беляев М. «Вы все время плететесь в хвосте»: Валентина Матвиенко раскритиковала работу Роскомнадзора из-за «групп смерти» и наркотиков в интернете. *Коммерсант*. Страница: https://www.kommersant.ru/doc/3281081?from=doc_vrez#comments
17. Боброва И. Как Лису прижали хвост: подробности приговора администратору «групп смерти». Вердикт Филиппу Будейкину суд озвучил за закрытыми дверями. Электронное периодическое издание «МК.ру»: <https://www.mk.ru/social/2017/07/19/kak-lisu-prizhali-khvost-podrobnosti-prigovora-administratoru-grupp-smerti.html>. «Московский комсомолец» № 27447 от 20 июля 2017.
18. Масштабный срыв покровов с «Групп Смерти». Mar. 19th, 2017: <https://hueviebin1.livejournal.com/332444.html>
19. Выготский Л.С. Стенограмма лекции «Игра». *Вопросы психологии*. 1966; 6: 56-62.
20. Выготский Л.С. Проблема возраста / Собрание сочинений: В 6 т. М., 1984. Т. 4. 432 с.
21. Леонтьев А.А., Выготский Л.С. Люди науки. М.: Просвещение, 1990. 158 с.
22. Tam J., Tang W.S., Fernando D.J. The internet and suicide: A [New Newspaper]. № 51 ot 16 maya 2016 goda: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (In Russ)
7. Galicyna A.M. «Gruppy smerti» kak sredstvo manipulirovaniya soznaniem [«Groups of death» as a mean of manipulating the mind] // Razvitie obshchestvennyh nauk rossijskimi studentami: Sbornik nauchnyh trudov. 2017. Izdatel'stvo: OOO «Acosciaciya molodyh uchenyh». 2017; 30-35. (In Russ)
8. Sineva A.B. Novye media kak pro-stranstvo informacionnogo ekstremizma na primere «grupp smerti» [New media as an area of information extremism on the example of «groups of death»] // XIV Korolyovskie chteniya: Sb. trudov mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya akademika S. P. Korolyova, 75-letiyu KuAI-SGAU-SamGU-Samarskogo universiteta i 60-letiyu so dnya zapuska pervogo iskusstvennogo sputnika Zemli: v 2 t. 2017; 362-363. (In Russ)
9. Borisova K.O. «Gruppy smerti» v social'nyh setyah i metody bor'by s nimi [«Groups of death» in social networks and methods of fighting with them] // Bezopasnoe detstvo kak pravovoj i social'no-pedagogicheskij koncept: mat. IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem dlya studentov, magistrantov, aspirantov, prepodavatelej i specialistov v ramkah Nedeli nauki na fakul'tete pravovogo i social'no-pedagogicheskogo obrazovaniya PGGPU. 2017; 84-87. (In Russ)
10. Arhipova A.S., Volkova M.D., Kirzyuk A.A., Malaya E.K., Radchenko D.A., Yugaj E.F. Gruppy smerti: ot igry k moral'noj panike. [Groups of death: from the game to the moral panic]. M., 2017. 26 s. (In Russ)
11. Samoubijstva podrostkov i tainst-vennye gruppy smerti vo «VKontakte» (31 foto + tekst): <https://trinixy.ru/129788-detskie-samoubiystva-i-tainstvennye-gruppy-smerti-vo-vkontakte-31-foto-tekst.html#comment> (In Russ)
12. Detskie "gruppy smerti" vkontakte - chto zhe bylo na samom dele? [Children's «groups of death» VKontakte – what it was really?]: <https://rebro-a-dama.livejournal.com/1269316.html> (In Russ)
13. SobKor «Obshchestvo». V socsetyah poyavilis' novye «gruppy smerti» [New «groups of death» appeared in social networks] 31-01-2018, 16:20: <https://sobkor.net/obshhestvo/13794-v-socsetyah-poyavilis-novye-gruppy-smerti.html> (In Russ)
14. Zemlyanuhina E. «Sinij kit» opyat' «priplyl». V Seti poyavilis' novye gruppy smerti [The «blue whale» again «sailed». New groups of death have appeared on the Web]. 25 yanvarya, 10:04: https://life.ru/t/новости/1082234/sinii_kit_opiat_priplyl_v_sieti_poiavilis_novyie_ghruppy_smierti (In Russ)
15. Vliyanie «grupp smerti» na podrostkovyj suicid minimal'no (MVD Rossii): lish' 1% podrostkovykh suicidov v Rossii svyazan s «gruppami smerti» v social'nyh setyah [The impact of «death groups» on teen suicide is minimal (the Ministry of Internal Affairs of Russia): only 1% of teen suicides in Russia are associated with «death groups» in social networks.]. Roskomsvoboda: <https://roskomsvoboda.org/27184/> (In Russ)
16. Nagornyh I., Belyaev M. «Vy vse vremya pletetes' v hvoste»: Valentina Matvienko raskritikovala rabotu Roskomnadzora iz-za «grupp smerti» i narkotikov v internete [«You are always lagging behind»: Valentina Matvienko criticized the work of Russian Supervisory Committee because there are «death groups» and drugs on the Internet]: https://www.kommersant.ru/doc/3281081?from=doc_vrez#comments (In Russ)
17. Bobrova I. Kak Lisu prizhali hvost: podrobnosti prigovora administratoru «grupp smerti». Verdikt Filippu Budejkinu sud ozvuchil za zakrytymi dver'mi [How Fox was pinned tail: details of the sentence to the administrator of the «groups of death». Verdict to Phillip Budeikin court voiced behind closed doors.]. Elektronnoe periodicheskoe izdanie «MK.ru»: <https://www.mk.ru/social/2017/07/19/kak-lisu-prizhali-khvost-podrobnosti-prigovora-administratoru-grupp-smerti.html>. (In Russ)
18. Masshtabnyj sryv pokrovov s «Grupp Smerti» [Large-scale breakdown of covers from «Groups of Death»]. Mar. 19th, 2017: <https://hueviebin1.livejournal.com/332444.html> (In Russ)
19. Vygotskij L.S. Stenogramma lekcii «Igra» [Transcript of the lecture «Game»]. *Voprosy psihologii* [Question of psychology]. 1966; 6: 56-62. (In Russ)
20. Vygotskij L.S. Problema vozrasta [Age problem] / Sbranie sochinenij: V 6 t. M., 1984. T. 4. 432 s. (In Russ)
21. Leont'ev A.A., Vygotskij L.S. Lyudi nauki [Man of science]. M.: Prosveshchenie, 1990. 158 s. (In Russ)
22. Tam J., Tang W.S., Fernando D.J. The internet and suicide: A

- double-edged tool. *European J. Internal Med.* 2007; 18: 453-455.
23. Чем живет новое поколение: статистика о российской молодежи. Сентябрь 2016 г. Исследование аудитории Google: подростки и молодежь. Сентябрь 2016 г.: <https://docslide.net/internet/google--5907bcd059649.html>.
 24. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 973 с.
 25. Керри Аллен. «Вышивание по телу» – новая опасная мода в Китае. 24 июня 2017. Служба мониторинга Би-би-си: <https://www.bbc.com/russian/news-40392201>.
 26. Форум о похудении. Форум худеющих. Анорексия: <https://polnote.ru/viewforum.php?f=9>.
 27. Лукашук А.В., Байкова М.А. *Терапевтические аспекты коррекции аутодеструктивного поведения у подростков*. Тюменский медицинский журнал. 2016; 18 (4): 9-12.
 28. Любов Е.Б. СМИ и подражательное суицидальное поведение. Часть II. Предупреждение самоубийств: ресурсы профессионалов СМИ. Суицидология. 2012; 4: 10-22.
 29. Baker D., Fortune S. Understanding self-harm and suicide websites: a qualitative interview study of young adult website users. *Crisis*. 2008; 29 (3): 118-122.
 30. Phillips D. *The influence of suggestion on suicide: Substantive and theoretical implications of the Werther effect*. *American Sociological Review*. 1974; 39: 340–354.
 31. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики). *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2016; 10 (1): 60–72.
 32. Решение № 2А-4155/2017 2А-4155/2017~М-3824/2017 М-3824/2017 от 27 ноября 2017 г. по делу № 2А-4155/2017. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): <http://sudact.ru/regular/doc/gdu4Px7vcYbh/?regular-txt=®ular...>
 33. Решение № 2-1881/2017 2-1881/2017~М-1998/2017 М-1998/2017 от 27 декабря 2017 г. по делу № 2-1881/2017. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): <http://sudact.ru/regular/doc/zVL12jy1DfUa/?regular-txt=®ular-case...>
 34. Решение № 2-1887/2017 2-1887/2017 ~ М-2004/2017 М-2004/2017 от 6 декабря 2017 г. по делу № 2-1887/2017. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): <http://sudact.ru/regular/doc/FYkcRhpAnRmj/?regular-txt=®ular-case>
 35. Шапиро Л.Г., Степанов В.В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве: М.: Юрлитинформ, 2008. 220 с.
 36. Юрьева Л.Н. Клиническая суицидология. Днепропетровск: Пороги, 2006. 472 с.
 37. МКБ 10 - Международная классификация болезней 10-го пересмотра: http://base.garant.ru/4100000/ee9753586947f35135b65aed7a30547c/#block_20000
 38. Романов В. В. Юридическая психология: Учебник. М., 1998. 488 с.
 39. Гецманова И.В., Жданов А.Ю. Возможности судебно-психологической экспертизы при расследовании бандитизма. *Журнал российского права*. 2004; 2: 65.
 40. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза как основная форма использования психологических знаний при раскрытии и расследовании преступлений. *Вестник криминалистики*. 2006; 4 (20): 25-33.
 - double-edged tool. *European J. Internal Med.* 2007; 18: 453-455.
 23. Chem zhivet novoe pokolenie: statistika o rossijskoj molodezhi [What is the life of the new generation: statistics about the Russian youth]. Sentyabr' 2016 g. Issledovanie auditorii Google: podrostki i molodezh'. Sentyabr' 2016 g.: <https://docslide.net/internet/google--5907bcd059649.html>. (In Russ)
 24. Averkhanova T.V., Belkin R.S., Koruhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Kriminalistika [Criminalistics]: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. R.S. Belkina. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2005. 973 s. (In Russ)
 25. Kerri Allen. «Vyshivanie po telu» - novaya opasnaya moda v Kitae [«Embroidery on the body» - a new dangerous fashion in China]. 24 iyunya 2017. Sluzhba monitoringa Bi-bi-si. : <https://www.bbc.com/russian/news-40392201>. (In Russ)
 26. Forum o pohudenii. Forum hudeyushchih. Anoreksiyat[Anorexia]: <https://polnote.ru/viewforum.php?f=9>. (In Russ)
 27. Lukashuk A.V., Bajkova M.A. Therapeutic aspects of the correction of autdestructive behavior of teenagers. *Tyumen Medical Journal*. 2016; 18 (4): 9-12. (In Russ)
 28. Lyubov E.B. Mass Media and copycat suicidal behavior: Part II. Preventing suicide: a resource for media professionals. *Suicidology*. 2012; 4: 10-22. (In Russ)
 29. Baker D., Fortune S. Understanding self-harm and suicide websites: a qualitative interview study of young adult website users. *Crisis*. 2008; 29 (3): 118-122.
 30. Phillips D. *The influence of suggestion on suicide: Substantive and theoretical implications of the Werther effect*. *American Sociological Review*. 1974; 39: 340–354.
 31. Solov'ev V.S. Prestupnost' v social'nyh setyah Interneta (kriminologicheskoe issledovanie po materialam sudebnoj praktiki) [Criminality in social networks of the Internet (criminological research on the materials of judicial practice)]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law]. 2016; 10 (1): 60–72. (In Russ)
 32. Reshenie № 2А-4155/2017 2А-4155/2017~М-3824/2017 М-3824/2017 от 27 noyabrya 2017 g. po delu № 2А-4155/2017. Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt) [The Judgement № 2А-4155/2017 2А-4155/2017~М-3824/2017 М-3824/2017 of 27th November 2017 in the case № 2А-4155/2017]: <http://sudact.ru/regular/doc/gdu4Px7vcYbh/?regular-txt=®ular...> (In Russ)
 33. Reshenie № 2-1881/2017 2-1881/2017~М-1998/2017 М-1998/2017 от 27 dekabrya 2017 g. po delu № 2-1881/2017. Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt) [The Judgement № 2-1881/2017 2-1881/2017~М-1998/2017 М-1998/2017 от 27 dekabrya 2017 g. of 27th December 2017 in the case № 2-1881/2017]: <http://sudact.ru/regular/doc/zVL12jy1DfUa/?regular-txt=®ular-case...> (In Russ)
 34. Reshenie № 2-1887/2017 2-1887/2017 ~ М-2004/2017 М-2004/2017 от 6 dekabrya 2017 g. po delu № 2-1887/2017. Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt) [The Judgement № 2-1887/2017 2-1887/2017 ~ М-2004/2017 М-2004/2017 от 6th December 2017 in the case № 2-1887/2017]: <http://sudact.ru/regular/doc/FYkcRhpAnRmj/?regular-txt=®ular-case> (In Russ)
 35. Shapiro L.G., Stepanov V.V. Speci-al'nye znaniya v ugovornom sudoproizvodstve [Special knowledges in criminal proceedings]. M.: Yurlitinform, 2008. 220 s. (In Russ)
 36. Yur'eva L.N. Klinicheskaya suicidologiya [Clinical Suicidology]. Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. 472 s. (In Russ)
 37. МКБ 10 - Mezhdunarodnaya klassifikaciya boleznej 10-go peresmotra [International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems ICD-10]: http://base.garant.ru/4100000/ee9753586947f35135b65aed7a30547c/#block_20000 (In Russ)
 38. Romanov V. V. Yuridicheskaya psihologiya [Juridical psychology]. M., 1998. 488 s. (In Russ)
 39. Gecmanova I.V., Zhdanov A.Yu. Voz-mozhnosti sudebno-psihologicheskoy ekspertizy pri rassledovanii banditizma [The Possibility of Judicial-Psychological Examination in the Investigation of Banditry] *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2004; 2: 65. (In Russ)
 40. Holopova E.N. Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza kak osnovnaya forma ispol'zovaniya psihologicheskikh znanij pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij [The Judicial-Psychological Examination as the main form of using psychological knowledges

41. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарика, Смысл, 1998. 192 с.
42. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 416 с.
43. Двух администраторов «групп смерти» задержали в Подмоскowie и Хабаровске. Лента.ру. Силловые структуры. Криминал. 12:23, 29 августа 2017: <https://lenta.ru/news/2017/08/29/popalis/>
44. «Порежу всю семью». Как куратор «группы смерти» склонял детей к суициду. 26-летний Илья Сидоров «назначал дату смерти» 14-летней девочке за тысячи километров. Ежедневник «Аргументы и Факты» № 26 от 28 июня 2017: http://www.aif.ru/society/web/porezhu_vsyu_semyu_kak_kurator_gruppy_smerti_sklonyal_detey_k_suicidu#comment_list
45. Анна Скудаева. Под Владимиром поймали куратора детских "групп смерти". 11.09.2017 12:24. Рубрика: *Происшествия*. Проект: *В регионах*. Интернет-портал «Российской газеты»: <https://rg.ru/2017/09/11/reg-cfo/pod-vladimirom-pojmali-kuratora-detskih-grupp-smerti.html>
46. Судебные и нормативные акты РФ: <http://sudact.ru>
47. Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1979. 320 с.
48. Гласс Дж., Стенли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии / Перевод с англ. Л.И. Хайрусовой, общая ред. Ю.П. Адлера. М.: Прогресс, 1976. 493 с.
49. Администратор "группы смерти" Филипп Будейкин признан виновным. ГТРК "Санкт-Петербург". Вести.RU: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2849902&cid=17>
50. Приговор № 1-63/2014 от 21 августа 2014 г. по делу № 1-63/2014 Шумерлинский районный суд (Чувашская Республика): <http://sudact.ru/regular/doc/ctgKWVDZPtWW/?regular-txt=®ular>
51. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы. М.: Издательство Московского университета, 1991. 117 с.
52. Енгальчев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза / Прикладная юридическая психология: Учебное пособие для вузов / Под ред. проф. А.М.Столяренко. М.: Юнити-Дана, 2001. С. 420-430.
53. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2014. С. 284-302.
54. Ситковская О.Д. Аффект: Криминально-психологическое исследование. М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2001. С. 166-172.
55. Приговор № 1-337/2015 от 19 октября 2015 г. по делу № 1-337/2015 Кунцевский районный суд (Москва): http://sudact.ru/regular/doc/N4SOPFpsYAIM/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-
56. Приговор № 1-794/2012 1-19/2013 1-19/2013(1-794/2012;) от 15 апреля 2013 г. Сыктывкарский городской суд (Республика Коми): http://sudact.ru/regular/doc/3bBpRFMRcJbl/?regular-txt=®ular-case_doc=1-19%2F2013®ular-lawchunkinfo=Статья+110
57. Приговор № 1-200/2015 от 7 сентября 2015 г. по делу № 1-200/2015 Учалинский районный суд (Республика Башкортостан): <http://sudact.ru/regular/doc/2UKkl4TISmo1/?regular->
- in the detection and investigation of crimes]. *Vestnik kriminalistiki [Journal of criminalistics]*. 2006; 4 (20): 25-33. (In Russ)
41. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza v ugolovnom processe [The Judicial-Psychological Examination in the civil process] M.: Gardarika, Smysl, 1998. 192 s. (In Russ)
42. Holopova E.N. Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza v ugolovnom sudoproizvodstve [The Judicial-Psychological Examination in the criminal process]: Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. M., 2006. 416 s. (In Russ)
43. Dvuh administratorov «grupp smerti» zaderzhali v Podmoskov'e i Habarovske. Lenta.ru. Silovye struktury. Kriminal [Two administrators of "groups of death" were detained in Moscow area and Khabarovsk. Lenta.ru. Law enforcement agencies. Crime] 12:23, 29 avgusta 2017: <https://lenta.ru/news/2017/08/29/popalis/> (In Russ)
44. «Porezhu vsyu sem'yu». Kak kurator «gruppy smerti» sklonyal detej k sui-cidu. 26-letnij Il'ya Sidorov «naznachal datu smerti» 14-letnej devochke za tysyachi kilometrov ["I will cut all family". As the curator of "group of death" declined children to a suicide. 26-year-old Ilya Sidorov "appointed date of death" to the 14-year-old girl for thousands of kilometers]. Ezhenedel'nik «Argumenty i Fakty» [Weekly «Arguments and Facts»] № 26 ot 28 iyunya 2017: http://www.aif.ru/society/web/porezhu_vsyu_semyu_kak_kurator_gruppy_smerti_sklonyal_detey_k_suicidu#comment_list (In Russ)
45. Anna Skudaeva. Pod Vladimirom pojмали kuratora detskih "grupp smer-ti" [Under Vladimir caught the curator of children's "death groups"] 11.09.2017 12:24. Rubrika: Proisshestiya. Proekt: V regionah. Internet-portal «Rossijskoj gazety» [Internet-portal «Russian newspaper»]: <https://rg.ru/2017/09/11/reg-cfo/pod-vladimirom-pojmali-kuratora-detskih-grupp-smerti.html> (In Russ)
46. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and Statutory Acts of Rf]: <http://sudact.ru> (In Russ)
47. Statisticheskie metody analiza informacii v sociologicheskikh issledovaniyah [Statistical methods of the analysis of sociological information researches] / Pod. red. G.V. Osipova. M., 1979. 320 s. (In Russ)
48. Glass Dzh., Stenli Dzh. Statisticheskie metody v pedagogike i psihologii [Statistical methods in psychology and pedagogics] M.: Progress, 1976. 493 s. (In Russ)
49. Administrator "gruppy smerti" Filip Budejkin priznan vmenyayemym [The Administrator of "Group of Death" Philip Budeykin Is Recognized as Responsible] GTRK "Sankt-Peterburg". Vesti.RU: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2849902&cid=17>. (In Russ)
50. Prigovor № 1-63/2014 ot 21 avgusta 2014 g. po delu № 1-63/2014 [Judgment № 1-63/2014 from 21th August 2014 in the case № 1-63/2014] Shumerlinskij rajonnyj sud (Chuvashskaya Respublika): <http://sudact.ru/regular/doc/ctgKWVDZPtWW/?regular-txt=®ular> (In Russ)
51. Kochenov M.M. Teoreticheskie osnovy sudebno-psihologicheskoy ekspertizy [Theoretical bases of judicial psychological examination] M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1991. 117 s. (In Russ)
52. Engalychev V.F. Posmertnaya sudebno-psihologicheskaya ekspertiza [Posthumous judicial psychological examination] Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Application Judicial Psychological]: Uchebnoe posobie dlya vuzov / Pod red. prof. A.M.Stolyarenko. M.: Yuniti-Dana, 2001. S. 420-430. (In Russ)
53. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza [Judicial Psychological Examination] uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata. M.: Izd-vo Yurajt, 2014. S. 284-302. (In Russ)
54. Sitkovskaya O.D. Affekt: Kriminal'no-psihologicheskoe issledovanie [Affect: Criminal and psychological research] M.: OOO Izd-vo «Yurlitinform», 2001. S. 166-172. (In Russ)
55. Prigovor № 1-337/2015 ot 19 oktyabrya 2015 g. po delu № 1-337/2015 [Judgment № 1-337/2015 ot 19th October 2015 in the case № 1-337/2015] Kunccevskij rajonnyj sud (Gorod Moskva): http://sudact.ru/regular/doc/N4SOPFpsYAIM/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular- (In Russ)
56. Prigovor № 1-794/2012 1-19/2013 1-19/2013(1-794/2012;) ot 15 aprelya 2013 g. [Judgment № 1-794/2012 1-19/2013 1-19/2013(1-794/2012;) from 15th April 2013] Syktyvkarskij gorodskoj sud (Respublika Komi): http://sudact.ru/regular/doc/3bBpRFMRcJbl/?regular-txt=®ular-case_doc=1-19%2F2013®ular-lawchunkinfo=Статья+110 (In Russ)
57. Prigovor № 1-200/2015 ot 7 sentyabrya 2015 g. po delu № 1-200/2015 [Judgment № 1-200/2015 from 7th September 2015 in the case № 1-200/2015] Uchalinskij rajonnyj sud (Respublika

- txt=®ular-case_doc=1-200%2F2015®ular-*
58. Приговор № 1-63/2014 от 21 августа 2014 г. по делу № 1-63/2014 Шумерлинский районный суд (Чувашская Республика): <http://sudact.ru/regular/doc/ctgKWVDZPtWW/?regular-txt=®ular-case>
59. Приговор № 1-2/2016 1-53/2015 от 12 апреля 2016 г. по делу № 1-2/2016 Урус-Мартановский городской суд (Чеченская Республика): http://sudact.ru/regular/doc/WmjJd2bvQJxr/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchuninfo=Статья+110
60. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. 352 с.
61. Енгальчев В.Ф. Судебно-психологическая экспертиза психического воздействия // Энциклопедия юридической психологии / Под ред. А.М. Столяренко. М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 607 с.
62. Алексеева Л.В. Психология субъекта и субъекта преступления. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. 520 с.
63. Ардашев Р.Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2015. 220 с.
- Bashkortostan): http://sudact.ru/regular/doc/2UKk4TISmo1/?regular-txt=®ular-case_doc=1-200%2F2015®ular- (In Russ)
58. Prigovor № 1-63/2014 ot 21 avgusta 2014 g. po delu № 1-63/2014 [Judgment № № 1-63/2014 from 21st 2014 in the case № 1-63/2014] Shumerlinskij rajonnyj sud (Chuvashskaya Respublika): <http://sudact.ru/regular/doc/ctgKWVDZPtWW/?regular-txt=®ular-case> (In Russ)
59. Prigovor № 1-2/2016 1-53/2015 ot 12 aprelya 2016 g. po delu № 1-2/2016 [Judgment № 1-2/2016 1-53/2015 ot 12th April 2016 in the case № 1-2/2016] Urus-Martanovskij gorodskoj sud (Chechenskaya Respublika): http://sudact.ru/regular/doc/WmjJd2bvQJxr/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchuninfo=Статья+110 (In Russ)
60. Ratinov A.R. Sudebnaya psihologiya dlya sledovatelej [Judicial Psychology for Investigators]. M., 1967. 352 s. (In Russ)
61. Engalychev V.F. Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza psihicheskogo vozdejstviya [Judicial Psychological Examination of Psychological Influence] Enciklopediya yuridicheskoy psihologii [Encyclopedia of Judicial Psychology] / Pod red. A.M. Stolyarenko. M.: Izd-vo YUNITI-DANA, 2003. 607 s. (In Russ)
62. Alekseeva L.V. Psihologiya sub'ekta i sub'ekta prestupleniya [The Psychology of the subject and subject of crime] Tyumen': Izd-vo TyumGU, 2004. 520 s. (In Russ)
63. Ardashev R.G. Voprosy teorii i praktiki rassledovaniya ubijstv, sopryazhennyh s postkriminal'nym suicidom pravonarushatelya [The theoretical and practical questions of the murders investigation which connected with post-criminal suicide of the offender] 2-e izd., pererab. i dop. Irkutsk: Izd-vo IRNITU, 2015. 220 s. (In Russ)

SPECIAL PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF THE MINORITY AWARDS TO SUCCESSFUL BY SUCCEEDING WITH THE INTERNET NETWORK

I.S. Gvozdeva, L.G. Shapiro, A.L. Yuzhaninova

Saratov State Law Academy", Saratov, Russia; gvozdeva-irina@yandex.ru

Abstract:

In recent years, there has been a steady upward trend in suicides among children and adolescents, influenced by the information that could be found in the Internet. This article is devoted to studying the problems of investigating the motivation of minors to suicide through the use of special psychological knowledge, primarily in the form of a forensic psychological examination. The article focuses on the complex, interdisciplinary nature of the problem of counteracting youth suicidal behavior caused by the criminal behavior of others (Articles 110, 110.1, 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), on the criminal potential of the Internet, the role of a psychologist as an expert to establish the circumstances of the crimes committed in this category is examined. The purpose of the study: to determine the opportunities of the use of special psychological knowledge in investigating how subjects of crime used the Internet to motivate minors to suicide. Material and methods: we analyzed the texts of 51 court sentences on bringing to suicide both minors and adults published on the website "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation" for the period from 2011 to 2017, as well as the texts of court decisions made in various regions of Russia on the claims of the prosecutor's office on the recognition of information posted on certain Internet pages as the information that is prohibited to be spread in the territory of the Russian Federation. The study also used regulatory acts, publications on this subject, statistical data and materials of published law enforcement practice. The following methodological basis was used: a set of abstract logical, inductive and deductive methods, methods of comparative and statistical analysis. Results: Of the total number of victims of minors (persons aged 11 to 18) made up 26.6%. Of the total number of minors who committed suicide the death rate reached 83.3%. All the survivors stayed alive due to circumstances beyond their control. Thus, most adolescents were determined to complete their suicide. Of all the minor victims, there were 63.6% of females and 36.4% of males. Consequently, adolescent girls are subject to violence that can lead to suicide almost twice more often than boys. Persons who brought minors to suicide as a rule were close to their victims: in 28.9% of cases these were victims' peers; in 29.1% cases the father was accused, and the mother was found guilty in 21.1% cases, 14.4% of the accused were the mother's cohabitant, and 6.5% were the guardian. Only in 6.5% of cases minors were subject to mental violence, in the remaining 93.5% cases they suffered both mental and physical violence. In most cases, violence has been carried out systematically for several years. In 41.1% of the total sentences studied, forensic expert reports of psychiatrists or psychologists were used as evidence for both victims and defendants, and in 58.9% of cases issues requiring special knowledge relating to the mental sphere of a person were executed by law enforcement officers themselves. The proportion of psychological and psychiatric examinations of all the stud-

ied sentences was as follows: psychiatric - 21.5%, complex psychological and psychiatric - 9.9%, psychological - 9.7%, which allows us to state the existence of a trend of predominant use of psychiatric knowledge compared to psychological and complex in the investigation of this category of cases. The study found no connection between the fact of appointment of expertise and the age of suicide, the outcome of a suicidal attempt, the presence of violence against the victim. In addition, the insufficiency of the psychological aspect of the expert approach to the accused was revealed in terms of establishing the motive of behavior that caused the victim to attempt suicide. When determining the specifics of the appointment of a forensic psychological examination of victims we revealed that the proportion of forensic examinations carried out reached 76% on the victims and 24 on the accused % of the total number of cases. In this category of cases, the frequency of psychological examinations is 37.7%, psychiatric examinations made up 31.2%, complex psychological and psychiatric were applied in 31.1%. In 87.9% of cases, along with determining the state preceding suicide, a causal relationship between the actions of the accused and the victim's decision to attempt suicide was established. The expert conclusion was also positive. Only in 35.7% of cases forensic examinations of minors were appointed. With a relatively rare appointment of examinations in cases of minor's suicide, the priority area of special knowledge to be used is psychiatry (compared with psychology). Thus, the problems of using special psychological knowledge in the form of a forensic psychological examination were revealed when investigating what can drive minors to suicide using the Internet. Conclusions: in view of the significant gap in the use of special psychological knowledge in law enforcement practice, it is of great importance to study the nature and current trends of their use in investigating driving to suicide, as well as using the Internet to encourage minors to commit suicide, because a number of circumstances that are to be proved in cases of this category can only be established with the help of a forensic psychological examination.

Keywords: suicide, investigation, minors, the Internet, drive to suicide, bringing to suicide, special knowledge, forensic psychological examination, expert psychologist

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гвоздева И.С., Шапиро Л.Г., Южанинова А.Л. Специальные психологические знания при расследовании побуждения несовершеннолетних к совершению самоубийства с использованием сети «Интернет». *Суицидология*. 2018; 9 (4): 118-137. doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-04(33)-118-137

For citation: Gvozdeva I.S., Shapiro L.G., Yuzhaninova A.L. Special psychological knowledge in the investigation of the minority awards to successful by succeeding with the internet network. *Suicidology*. 2018; 9 (4): 118-137. (In Russ) doi.org/10.32878/suiciderus.18-09-04(33)-118-137